

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском

Джофф Николсон

Город под кожей

Annotation

Жертвы его страсти никому не расскажут о том, что с ними произошло. Нет, не потому, что маньяк их убивает, — просто они сами не могут этого понять...

«Город под кожей» — один из лучших нуар-триллеров последних лет. Это уникальный коктейль из напряженного сюжета, черного юмора, особого «медицинского» цинизма и безудержной игры слов.

Джофф Николсон

Город под кожей

Geoff Nicholson
The City Under the Skin

© 2014 by Geoff Nicholson

© Рюмин С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Когда я был мальчишкой, я страстно любил географические карты... В то время немало было белых пятен на Земле, и, когда какой-нибудь уголок на карте казался мне особенно привлекательным (впрочем, привлекательными были все глухие уголки), я указывал на него пальцем и говорил: «Вырасту и поеду туда».

Джозеф Конрад «Сердце тьмы»^[1]

1. Подземная парковка

Старик шел к автомобилю — опрятный, степенный, солидный, в темно-синем блейзере, из нагрудного кармашка торчал кончик серебристого платка. Уложенные волосы — тоже серебристые — поблескивали в свете фонарей подземной стоянки. В походке — едва заметная неуверенность, и хотя он опирался на трость — полированную, красного дерева, с серебряным набалдашником в форме глобуса, — вероятно, прихватил ее всего лишь для эффекта.

В тени широкой бетонной опоры стоял еще один человек — по фамилии Вроблески. Массивных размеров, он в то же время выглядел подтянутым, внушительный рост и веса таили в себе намек не на полноту, а на средоточие плоти и энергии. Плоское лицо избородили хмурые морщины, взгляд тяжелый, затаенный. Старик подошел к машине и достал ключи. Вроблески разглядел на себе пиджак. Некоторые любят пользоваться на работе особым снаряжением — черными, облегающими лицо очками, шарфами, черными же перчатками из козьей кожи. Вроблески этого не одобрял, предпочитая добротный костюм, но — ввиду характера предстоящей работы — не слишком дорогой.

Старик был похож на свой автомобиль. Оба — лощеные, элегантные, без видимых изъянов и чуть-чуть медлительные. Вроблески вышел из тени, расслабил руки, приблизился к старику.

— Неплохой аппарат, — кивнул он на машину.

Старик слегка удивился, не ожидая кого-либо увидеть. Тем не менее он сохранил невозмутимость и лишь кивнул. Да, мол, хороший.

— И долго такой служит?

— Понятия не имею, — учтиво ответил владелец, намекая, что подобные вещи его мало волнуют.

— Все верно. Вы — тот, кто мне нужен.

— Сомневаюсь, — возразил старик. — Мы знакомы?

— Моя фамилия Вроблески.

Старик постарался не подавать виду, но не очень преуспел. Его подвела поджатая нижняя губа.

— Неужели? Вроблески? Собственной персоной?

— Слышали, значит.

— Я думал, вы не более чем гадкая страшилка.

— Если бы.

— Пришли убить меня?

— Угадали. Хорошо, когда обе стороны понимают, что к чему.

— Отнюдь нет, — спокойно возразил старик. — Я полагаю, вы совершаете ошибку.

— Я никогда не ошибаюсь.

Взгляд старика скользнул по окрестностям — от глубоких теней к ярким пятнам искусственного света. Оба знали: там ничего нет — ни путей эвакуации, ни кнопок экстренного вызова, ни добрых самаритян. Камеры видеонаблюдения не работали.

— Но почему? — спросил старик.

— Потому что мне заплатили.

— Это не ответ.

Разговор надоел Вроблески. Он прикинул, не бросится ли старик наутек — пожилые мужчины порой гордятся своей физической формой. И нет ли у него пистолета — некоторые воображают, что успеют им воспользоваться. Наивные. Вроблески уже достал свой собственный пистолет и выстрелил старику в правую ногу. Брючная фланель и плоть взорвались фонтанчиком, жертва упала на колени.

— О боже, — тихо произнес старик, одной рукой обхватив раненую ногу и взявшись за грудь другой. «У него, часом, не сердечный приступ? — подумал Вроблески. — Вот была бы хохма».

У старика не осталось сил стоять на одном колене, он повалился на бок, хватая ртом воздух.

— Вы что, не могли меня сразу застрелить? — с издевкой спросил он.

— Какой в этом кайф? — ответил Вроблески.

И выстрелил в другую ногу. Удар пули заставил старика выпрямиться плашмя, разбросав ноги; теперь он держался за грудь обеими руками. Ключи от машины валялись поодаль. Вроблески поднял их и открыл центральный замок. Сунув руку в кабину, поднял крышку багажника, сгреб раненого и сложил его внутрь, как чревовещатель свою куклу. Еще и место осталось. Конструкторы обо всем подумали. Вроблески захлопнул крышку.

— Вы там как? — крикнул он.

Из багажника что-то ответили, но неразборчиво. Вроблески понял, что старик дышит и пока еще в сознании.

Он сел за руль, завел машину, немного по-держал двигатель на холостых оборотах, включил заднюю скорость и втопил педаль газа, отчего машина понеслась задом к стене на противоположной стороне стоянки. Багажник врезался в мертвенно-бледный, в резиновых прокладках бетон. Вроблески не сомневался, что хватило и одного раза, однако на всякий случай сделал повторный заход. Потом вышел, осмотрел разбитый корпус машины. У старика будет такой же вид.

Вроблески не подавал условных знаков и никому не звонил; ровно в назначенное время с верхнего этажа парковки по пандусу съехал и остановился прямо перед разбитым автомобилем тягач-эвакуатор. Из кабины вылез молодой мосластый чернокожий парень в комбинезоне цвета индиго и начал закреплять трос на машине старика.

— Благодарю тебя, Аким, — с подчеркнутой вежливостью сказал Вроблески. — Приятно иметь дело с человеком, уверенным, что всякий труд благороден.

Вроблески осмотрел место, где автомобиль врезался в стену. На бетонный пол пролились различные жидкости, лужицы и ручейки образовали затейливый узор неслучайного характера, который иному наблюдателю мог показаться картой неисследованных земель. Убедившись, что к ним не примешалась кровь, убийца поздравил себя с отлично выполненной работой.

2. Что сказала работница соцслужбы

— У вас довольно оригинальные жилищные условия, мистер Мур.

— Спасибо, — ответил Билли Мур, посылая улыбку, какую большинство людей приняли бы за обаятельную. Он знал, что лицо не подведет — вызывающее доверие, бледное, волевое, с налетом жесткости, лицо крутого, но в целом порядочного мужчины. Билли был одет в непривычную для него новенькую белую рубашку, настолько свежую, что не успели разгладиться складки из-под упаковки. Надетый для комплекта алый галстук арканом сдавливал шею. «Интересно, обучена ли эта баба замечать подобные вещи? — подумал Билли. — Угадает ли она, что моя любимая одежда — красиво потертая кожаная куртка?»

— Я не имела в виду комплимент, — заметила соцработница.

— А я и не принял ваши слова за комплимент. Просто брякнул, не подумав.

Работница социальной службы, миссис Дженет Маркус («зовите меня просто Джен»), крупная женщина на излете среднего возраста, казалась добросердечной, полной сочувствия, даже по-матерински заботливой — и старательно поддерживала это впечатление.

— В вашем положении, мистер Мур, следовало бы думать, что говорить.

— Вы правы. Я что-то разнервничался.

— Для этого нет причины.

— Точно? Ведь вы пришли проверить, какой из меня родитель. Вашей власти достаточно, чтобы забрать у меня дочь. Как тут не нервничать?

— Ну хорошо, я вас понимаю. Обсудим тогда ваши необычные жилищные условия.

Они беседовали на стоянке машин у окраины деловой части города, на углу Хоуп-стрит и 10-й улицы. Перед ними стоял длинный, приземистый жилой прицеп, старый, почти коллекционный, не обтекаемый — горбатенький, с наружными панелями безрассудно синего и желтого цвета; окна-иллюминаторы прикрывал полосатый козырек.

— Мистер Мур, вы живете в прицепе на паркинге.

— Я его хозяин.

— Вот как?

— Конечно. Паркинги — мой нынешний промысел.

— Вы здесь работаете?

— Делаю карьеру. Это моя страсть, миссис Маркус. С прежней жизнью покончено. Теперь я приношу пользу тем, кому надо что-нибудь запарковать.

Билли бросил фразу небрежно, хотя не совсем лукавил. Соцработница несколько рассеянно, но без пренебрежения кивнула.

— А почему живете в прицепе?

— Это не простой трейлер. Это «Лофгрэн Колонист».

— Что, хороший?

— Ну-у... не такой хороший, как «Эйрстрим», но пользуется известной популярностью. Заходите, посмотрите внутри.

Женщина послушно поднялась по ступенькам и вошла через низкий дверной проем в ярко расцветенную, слабо освещенную капсулу.

— Мы — в жилом отсеке, оформленном в знаменитом стиле «Лофгрэн люкс». Вот обеденная ниша, эргономичная кухня, фирменные окна «Термогрейс».

— Тесновато здесь.

— По мне, так просторнее некуда.

— Две спальни?

— Разумеется.

— Одна — ваша, вторая — дочери?

— О, нет. Она живет отдельно.

— Как это?

Билли Мур отдернул с фирменного окна занавеску с рисунком бамбука и указал на еще один трейлер в нескольких метрах, похожий на первый во всех отношениях, но как бы уменьшенный наполовину.

— У вашей дочери свой прицеп?

— «Лофгрэн Скамп», модель поскромнее. Карла сейчас там.

— Давайте заглянем к ней.

— Обязательно.

Билли Мур открыл заднюю дверь и сделал несколько шагов от одного трейлера до другого. Он церемонно постучал в оконное стекло малого прицепа, из которого через минуту выглянула Карла Мур, двенадцатилетняя дочь Билли. На ней была школьная форма, длинные черные волосы забраны в хвостик на затылке, на кончике носа балансировали очки. Девочка держала увесистый том учебника математики, вставив в него большой палец вместо закладки.

— Заходите, — радушно пригласила Карла.

Билли пропустил чиновницу вперед. Та вошла и окинула взглядом складной столик с ноутбуком, полку с неплохим набором книг, вазу с цветами, разбросанные подушки с рюшами, большую мохнатую коалу наверху мини-холодильника. Еще она заметила тарелку овсяного печенья и свежесваренный мятный чай. На заднем плане едва слышно играла классическая музыка.

— Бах, — угадала соцработница.

— Точно, — подтвердила Карла. — Вам тоже нравится?

Миссис Маркус еще раз осмотрела помещение — на этот раз неторопливо.

— А что? — сказала она. — Здесь довольно мило.

— Правда? — просияла Карла.

Чиновница осторожно присела, взяла себе чаю и печенья, что на время заставило ее замолчать, и наконец повернулась, роняя из уголков рта крошки, к Билли:

— А как у Карлы дела с ее... заболеванием? Боюсь, я запомнила название.

Карла сама справилась с ответом на вопрос:

— Дермографизм.

Она быстренько закатала правый рукав и провела по голой руке кончиком ключа, рисуя сердце и символ мира. На здоровой коже остался бы белый след, который поблек и пропал бы через несколько секунд. Однако на коже у Карлы обозначились красные штрихи, и через несколько секунд по контуру рисунка выступили вишневого цвета волдыри.

— Дермографизм, — повторила она. — Расшифровывается просто: «дерма» — кожа, «графо» — пишу, вместе — «кожное письмо». На старых медицинских фотках на спине пациента тупым концом карандаша кто-то другой вечно пишет это слово — «дермографизм».

Миссис Маркус посмотрела на руку девочки, стараясь казаться участливой и чуткой и в то же время лоя себя на том, что пялится, как в балагане.

— Клетки кожи приобретают повышенную восприимчивость к так называемым микротравмам вроде царапин, — продолжала Карла. — Если дотронуться до такой кожи, клетки вырабатывают химические вещества — гистамины. Именно они вызывают покраснение. Но на самом деле в этом нет ничего страшного.

— А не больно? — спросила соцработница.

— Нет. Чешется иногда, да, однако болеть не болит. К тому же доктора говорят, что с возрастом, скорее всего, пройдет само собой.

— Это, должно быть, доставляет вам неприятности в школе?

Карла пожала плечами:

— Не только это.

— Я слышал, что в школе случаются неприятности похуже, — вставил Билли Мур, рискуя испортить своей фразой образ интеллигентного отца. — Неприятности, они везде бывают — и еще не такие.

Через полчаса удовлетворенную миссис Маркус удалось спровадить. Она призналась Билли, что увиденное произвело на нее впечатление. Если он будет продолжать в том же духе, без каких-либо «эксцессов», если «заболевание» Карлы не даст осложнений и при условии, что Билли будет соблюдать режим пробации, миссис Маркус не возражала против дальнейшего проживания дочери с отцом — по крайней мере, пока его бывшая жена не закончит лечение в наркодиспансере, после чего, возможно, придется сделать новое освидетельствование. В свою очередь, Билли Мур предложил: если миссис Маркус когда-либо понадобится хорошее, безопасное стоянчное место недалеко от центра, он всегда готов поспособствовать.

Билли помахал чиновнице вслед и вернулся в «Лофгрэн Скамп», где дочка успела стащить с себя школьную форму, сбросить ненужные очки с простыми стеклами и выключить музыку. Она с порога вручила папочке предупредительно открытую банку пива.

— С Бахом ты чуток переборщила, — сказал Билли.

— Думаешь, в жизни можно чего-то добиться тонкими намеками?

— Ладно. Убедила.

— Хорошо хоть, она другую руку не видела.

Карла задрала левый рукав, показывая торопливо вычерченные на коже расплывающиеся череп и скрещенные кости.

— Смекалистая у тебя дочь?

— В том числе.

— Кстати, рубашка с галстуком, по-моему, тебе к лицу.

3. Кончено

Все, кончено. Непонятная процедура закончилась. Боль не прошла, даже не уменьшилась, но плоть хотя бы перестала получать новые уколы. Операция завершилась, ущерб причинен, однако ни его размер, ни истинную природу случившегося жертва оценить не могла.

Она шла домой — да, поздно, да, с вечеринки, нет, не совсем трезвая, на шпильках, прекрасно понимая, что в этом, как и в любом другом районе города, легко нарваться на неприятности. Может, захотела себя проверить, доказать собственную крутость, самодостаточность, способность спокойно пожать плечами перед лицом реальной опасности... Так или иначе, в критический момент ни крутость, ни самодостаточность не сработали.

У нее не было дурного предчувствия, будто что-то вот-вот случится. Жертва даже не успела обернуться. Кто-то тихо подкрался сзади, кто — она так и не увидела, зато почувствовала хватку насильника — сильного, знающего, что делает, не какого-нибудь случайного психа. Он повалил ее и прижал к земле. Жертва закричала — не от страха (хотя ей было страшно), а пытаясь отпугнуть нападавшего. Тот не испугался. Ей быстро что-то натянули на голову — мешок, кожаный капюшон фетишиста без отверстий для рта или глаз, но с маленьким резиновым клапаном, позволяющим дышать. Очевидно, она была нужна живой, по крайней мере пока. В ноздри ударил запах коровьей шкуры, чужого пота и слюны.

Жертва извивалась, пыталась откатиться в сторону, брыкалась... Насильник был готов к такому поведению. Он действовал умело, опытно, не давая двигаться, и быстро связал ее по рукам и ногам. Ничего не говорил, не угрожал, не приставлял к виску или горлу оружие — он и без него прекрасно справился.

Жертва приготовилась к тому, что обычно всегда следует в таких случаях, — унижениям, побоям, в конце концов, изнасилованию, однако связанные лодыжки и закрытое лицо подсказывали, что ее ждет нечто не столь ординарное. Сначала ее подняли и положили на пол микроавтобуса. Насильник обращался с ней не очень бережно, хотя и не швырял, не тратил энергию попусту. Дверцы захлопнулись, машина тронулась. Поездка оказалась длительной — с одной стороны, хотелось, чтобы она побыстрее закончилась, с другой — в конечном пункте могло подстергать большее из зол.

Микроавтобус остановился. Насильник вытащил жертву наружу. Она на короткий миг ощутила, что находится на открытом воздухе, потом — внутри какого-то здания; ее наполовину отнесли, наполовину отволокли по лестнице в подвал. Там еще раз приподняли, ничком уложили то ли на металлическую скамью, то ли на прозекторский стол и прикрутили ремнями, а может быть, веревками, чтобы не дергалась.

Жертва не удивилась, когда ее оголили. Не содрали одежду, не стащили — аккуратно закатали и спустили. Раздели не совсем, обнажив только спину и ягодицы. Жертва напрягалась под железными пальцами насильника, гадая, к чему ее готовят. Прислушалась, как открывают и закрывают ящики и шкафы. Вынимали какое-то оборудование. Последует игра в больничку?

Потом началось. Раздалось жужжание, словно работала бормашина; жертва ощутила, как что-то пробороzdило спину, оставляя четкую линию боли. Нож? Игла? Шприц? Хотят ввести наркотик или какой-нибудь препарат? Нет, не то. Это не укол. Уколы причиняют боль

в одной точке. А тут как будто режут — раз за разом, скорее вширь, чем вглубь. В уме появился образ швейной машинки, пришивающей к спине заплату. Жертва перебрала несколько объяснений, прежде чем подумала о тату-машинке, а подумав, сразу поняла, что попала в точку. Ее метили, клеймили.

Конечно, было больно, хотя конкретную боль от нанесения тату было трудно отделить от общей боли и унижения, когда тебя похитили, связали, накрыли колпаком, оголили и подвергают насилию. Сами по себе иглы, впивающиеся в плоть, еще можно было вытерпеть, вообразив, что тебя кусает множество гадких насекомых, однако истинную муку причиняло неведение — как долго будет продолжаться пытка и когда закончится.

Жертва ничего не смыслила в татуировках, но где-то слышала, что рано или поздно происходит выброс эндорфинов, превращающий боль в удовольствие. Этого нельзя допускать; нельзя разрешать себе чувство облегчения, не говоря уже об эйфории. Спину бросало в жар и холод — по очереди, потом одновременно. Кожа оставалась влажной — от пота, крови, возможно, туши или жидкости, которой ее то и дело смазывали. Жертва пыталась понять причину, представить себе, в какой узор сложатся сгустки и дорожки боли, какие сокровенные образы начертает — безумную мадонну, кошек с оранжевыми глазами, дьявольских женщин, галеоны с черными парусами в огне?

Как долго это продолжалось, неизвестно. Несколько часов или намного меньше? Как и с поездкой на микроавтобусе, невозможно предсказать, что ожидает в конце. Если насильник решит убить ее, ему никто не помешает. Жертва полностью в его власти. Никто не придет на выручку, и уж тем более не спастись самостоятельно.

По крайней мере, тату-машинка смолкла. Наступили тишина, покой, слаще которых жертва никогда не испытывала, передышка — пусть даже спина и ягодицы саднили, словно их перемололи на фарш. Теперь оборудование чистили и убирали, ящики закрывали, пускали из крана воду, что-то протирали. Веревки, которыми она была привязана к столу, сняли.

Не развязывая руки и ноги, не снимая колпак с головы, ей помогли встать. Жертва еле выпрямилась; резиновые, словно чужие, ноги не слушались. Ее повели вверх по лестнице, на улицу, посадили в микроавтобус. Ожидание, что вот-вот что-то случится или не случится, само по себе было пыткой. Дорога на этот раз вроде бы заняла меньше времени, хотя ехали они спокойнее. Наконец микроавтобус остановился, ее выпихнули на тротуар. Узлы на руках и ногах ослабили, но не развязали. Капюшон сняли, при этом ее толкнули лицом вниз, чтобы она не успела посмотреть на насильника. Холодная, шершавая поверхность мостовой ободряла, давала опору, в легкие снова потек воздух — не очень свежий, не очень чистый, зато совершенно не такой, как внутри колпака. Микроавтобус уехал, прежде чем жертва успела сесть. Когда она обернулась, машина уже скрылась из виду.

Немного повозившись, жертва сумела развязать узлы. Все уже позади или это только начало? Осмотревшись по сторонам, она поняла, что ее привезли обратно на то же самое место, откуда забрали. Такое поведение предполагало изошренность, предупредительность, от которой кровь стыла в жилах.

Женщина поднялась. Ее не разрезали на куски. Она не сошла с ума от ужаса. Ее не ограбили. Ключи, деньги, мобильник по-прежнему в карманах. Она дошла до дома, уверяя себя, что хуже уже не будет. Поднялась на громадном, ненадежном лифте в свои владения, села на кровать, от боли даже неспособная плакать. Понимая, что, несмотря на весь ужас, это придется сделать, прошла в ванную комнату и стащила с себя одежду, которую оставалось только сжечь. Выпрямилась, глубоко вздохнула и повернулась спиной к зеркалу,

чтобы взглянуть на то, что с ней сделали.

4. Как Билли Мур повстречался с «мистером» Вроблески

В центре двора стоял массивный матово-черный внедорожник — смесь затаенной угрозы и роскоши. Двор — обшарпанный, залитый гудроном квадрат — с трех сторон окружали несколько этажей крепких унылых зданий, бывших мастерских, офисов, хранилищ, связанных между собой металлическими лестницами, площадками и мостиками. Дверей было множество, и все — закрыты, окна заклеены, некоторые забиты досками. Что за ними происходило в данный момент, сказать было невозможно; деловой активностью здесь явно не пахло. Несколько парней в комбинезонах, стоявших с таким видом, будто вышли на работу, на самом деле били баклуши.

Работал лишь один человек, отчего гудронное покрытие основательно намокло. Молодой чернокожий парень в потертых до блеска оранжевых шортах мыл внедорожник, всеми фибрами души источая отвращение. С площадки второго этажа громадного дома за работой внимательно наблюдал шеф чернокожего — Вроблески. Отсюда он руководил многими делами и здесь же жил. Если посмотреть вверх, сбоку можно было заметить дополнительный этаж — роскошную, спланированную архитектором пристройку с жесткими углами. Новая часть немного напоминала индустриальный стиль окружающих зданий железными фермами, стеклянными стенами и обнаженными трубами, но за внешней блеклостью скрывались роскошные апартаменты, целый пентхаус. Выкрашенные в красный цвет балки, симметрично закругленные стеклянные стены, начищенные до блеска трубы служили лишь антуражем. Неподалеку, над плоской крышей возвышался купол оранжереи.

Вроблески услышал шум работающего на холостом ходу мотора за мощными стальными воротами, отделявшими его вотчину от остального мира. Чарли — поджарый, жилистый, загорелый старик с безупречно сомнительной репутацией, нанятый Вроблески, чтобы открывать и закрывать ворота, — спокойно и торжественно выполнил свою обязанность и — не совсем серьезно, но и не игриво — отсалютовал въезжающей во двор машине. Появился «Кадиллак» цвета «голубой металлик», лет тридцати от роду, просевший, раздолбанный, с царапинами и вмятинами на каждой панели. Пока Чарли закрывал ворота, автомобиль остановился рядом с внедорожником. Из «Кадиллака» вылез Билли Мур и оправил на себе кожаную куртку — такую же помятую, как машина.

Он приехал сюда не по своей воле. Вся эта часть города для него была как территория противника за линией фронта. Он и найти дорогу сюда смог только по сигналам GPS — на покупке современной финтифлюшки настояла дочь. Билли был рад, что, петляя между бывшими скотобойнями, заброшенными фабричными корпусами и карьерами, не пришлось следить за маршрутом. На этих окраинах он был чужаком. Здесь, рядом с портом, город распадался на ошметки — электроподстанции, железнодорожные депо, свалки и предприятия по переработке вторсырья, прежде называвшиеся «мусорками». Кто бы стал жить в таком месте? Ан нет — в эти дни и в этом городе люди, воображая себя оригиналами, селились на всякого рода постиндустриальных пустошах.

Однако Вроблески следовало отдать должное — он устроился поближе к автострадам, мостам и туннелям, ведущим к аэропортам и морским вокзалам. Хорошее место, если надо куда-нибудь быстро доехать. В то же время не похоже, чтобы ему куда-то приходилось ездить,

и уж тем более никто не мог бы заставить его спешить. Сегодня на Вроблески был костюм получше — угольно-серый, тонкой шерсти, в яркую синюю полоску, однобортный, с одним разрезом, на одной пуговице, все края — острые, как скальпель. Впрочем, нарядился он, конечно, не для встречи с Билли, а для собственного удовольствия. Вроблески взглянул на помятый «Кадиллак», и на его лице мелькнуло неодобрительное выражение, которое исчезло еще до того, как Билли пересек двор. Билли поднял глаза и увидел хозяина дома — тот поманил его на открытую площадку второго этажа.

Если точно, их встречу вряд ли можно было назвать первой — Билли много слышал о Вроблески до того, как увиделся с ним лицом к лицу. О Вроблески в том сомнительном мире, куда порой окунался Билли, ходили легенды, как о бешеной зверюге; он принадлежал иной весовой категории, в которую Билли не горел желанием попасть.

Их первая настоящая встреча произошла на аукционе недвижимости. Билли Мур приехал купить участок земли, пригодный для стоянки машин и размещения трейлеров. Он положил глаз на закрывшийся женский исправительный дом — ходили слухи, что его хотят переоборудовать в бутик-отель или офисы для надомных работников, — и подал заявку, но прямо перед началом торгов один из холуев аукционера отозвал его в сторону на «тет-а-тет».

Высоченный рост и худоба холуя наводили на мысль о биологическом дисбалансе. В желтом, как в госучреждении, коридоре, под низким потолком, за дверями аукционного зала, в толпе снующих туда-сюда людей аукционный клерк сказал:

— Как бы выразиться помягче... Один из наших постоянных клиентов нацелился на тот же участок, что и вы. Мы считаем, что вам не следует с ним тягаться.

— Чего?

— В свою очередь, мы не станем накручивать цену участка на углу Хоуп-стрит и 10-й улицы.

— Я буду делать ставки на что захочу.

— Разумеется, но если вы вступите в борьбу за исправительное заведение, вы только взвинтите цену — и все равно проиграете. А если потом попытаете купить участок на Хоуп-стрит, наш клиент, скорее всего, выступит против вас и сделает так, что вы и его не получите.

— Кто это чмо?

— Я предпочитаю не называть имен.

— А тебе-то что за дело? Разве вам не выгодно, чтобы цена была как можно выше?

— Иногда перевешивают иные соображения.

— Передайте этому вашему клиенту, чтобы шел в жопу.

Холуй заморгал и, увидев что-то за спиной Билли, потупился. Едва слышно он прошипел:

— А вот и тот самый участник торгов, наш постоянный клиент.

Голос позади Билли сказал:

— Это кто тут кого посылает в жопу?

Билли обернулся и увидел перед собой совершенно незнакомого человека — крупного, но подтянутого, угрюмого, грозного вида.

— Ты кто такой? — спросил Билли.

— Моя фамилия — Вроблески, — ответил гигант.

— Прекрасно, — спокойно ответил Билли. В уме щелкнуло, и все стало на свои места. — Только последний дурак может посылать в жопу знаменитого мистера Вроблески.

— Значит, ты не последний дурак, — констатировал Вроблески. Будь он из тех, кто

улыбается, то расплылся бы в улыбке.

Торги закончились быстро. Вроблески получил то, что хотел; Билли по дешевке отхватил участок на углу Хоуп-стрит и 10-й улицы. Обижаться не было причины. Больше всего Билли удивило, что человек масштаба Вроблески озаботился такими мелочами, как личное участие в покупке земельного участка. По его представлениям, Вроблески обитал в другом мире — в мире быстроходных катеров, лимузинов и тайных встреч в зарубежных горячих точках. Еще больше он удивился, когда ему через некоторое время передали, что Вроблески желает его видеть. Приглашение тешило самолюбие Билли, и уж в любом случае он не мог отказаться, даже если бы захотел. Вроблески редко с кем встречался, причем для многих встреча с ним бывала первой и последней. Поэтому, поднимаясь по металлической лестнице, ведущей на площадку второго этажа, где его поджидал Вроблески, Билли сильно сомневался, что randevу получится приятным и непринужденным.

Он протянул ладонь для рукопожатия, однако Вроблески не обратил на нее внимания. «Билли Мур», — промямлил Билли. Он не столько представился, сколько подтвердил, что да, есть в этом мире некий Билли Мур. Появись у него во дворе президент с супругой, Вроблески обратился бы к ним таким же простецким, грубоватым тоном:

— Хочешь, мой человек Аким помое т твою машину?

Билли заподозрил, что вопрос задан неспроста, — стоит ли отвечать Вроблески обычным «да» или «нет»? — но тут же решил, что зря себя накручивает.

— Он умеет, — добавил Вроблески.

— Ну, тогда пусть моет.

Вроблески выглянул во двор. Аким с кислым видом уже шел к «Кадиллаку» с ведром, шлангом и куском замши в руках. Не говоря больше ни слова, Вроблески повернулся и зашагал по площадке. Билли ничего не оставалось, как поспешить следом.

Планировка сбивала с толку, переходы и лестницы вели вверх, вниз, поперек, одни — открытые всем стихиям, другие — окруженные стенами, заканчивались загадочными коридорами и пролетами; повсюду маячили голые двери и окна. Вроблески открыл одну из дверей — наугад, как показалось Билли, но за ней обнаружилось неожиданно приветливое жилое пространство, совсем непохожее на промзону, — с коврами, продуманным освещением, островками кожаных кресел и диванов. Смахивало на зал ожидания, хотя Билли не мог себе представить, кто и чего мог здесь ожидать. Затем его отвлекло то, что он увидел на стенах, — множество вставленных в рамы географических карт. Билли, разумеется, приходилось видеть карты в рамах и раньше — в отелях или барах с претензией на оригинальность, но не такие.

Некоторые выглядели вполне обыкновенно, хотя явно были очень старые: контуры стран и континентов на них сильно отличались от тех, что рисуют на современных картах. Другие были поновее, но с какой-то чужинкой. Например, символическая карта железнодорожной линии, соединяющей города со странными названиями — Жертва, Озарение, Гордыня, Ложная Дружба. Там также была карта воображаемой страны в форме женской головки, еще одну — карту Гиндукуша — выткали на гобелене. От карт пустынных островов, схем пещер и катакомб рябило в глазах. Почти ни одна из них не изображала такую местность, куда могла бы реально ступить нога человека.

Вроблески обернулся посмотреть на объект, привлечший внимание Билли.

— Это тоже неплохой материал, — заметил хозяин дома. — Когда-нибудь я покажу тебе намного лучше. — И небрежно помахал рукой, давая понять, что за закрытыми дверями

хранятся настоящие картографические сокровища.

Небольшой лифт в углу комнаты поднял хозяина и гостя на крышу здания. Двери лифта выходили на открытую террасу. Отсюда было хорошо видно пентхаус с его стеклянными стенками и стальными фермами; за окнами промелькнули полированные полы из выдержанного твердого дерева, ковры буйной расцветки и новые карты — множество карт. Однако Вроблески повел Билли в другую сторону. Он, очевидно, не собирался приглашать гостя на личную половину. Вместо этого они направились на дальний конец крыши, к оранжерее с куполом.

С другой стороны выступающего углом стеклянного тамбура в лицо пахнул пересушенный горячий воздух. Билли обратил внимание на то, что растений в оранжерее было не так уж много. На подставках и низких столах по углам помещения были расставлены кактусы и суккуленты, одни маленькие, другие очень крупные: бледный молочай, агавы, ферокактусы, опунции. Все вместе они создавали разреженную панораму из колючек, столбиков, сфер, лопаток, вскинутых рук. Антураж выглядел под стать хозяину. Вряд ли такой человек, как Вроблески, стал бы разводить петунии, подумал Билли.

Новый сюрприз поджидал в середине оранжереи — плоская застекленная витрина, занимавшая приличный кусок пространства. Сначала Билли показалось, что перед ним детский игрушечный городок, но присмотревшись, он понял: эта штука будет посерьезнее. Филигранными деталями и продуманностью конструкции она смахивала на музейный экспонат. Да и не город это вовсе, а целый остров, формой напоминающий баранью ногу, плавал в синем море из синтетической смолы.

Объяснение Вроблески — «рельефная карта Иводзимы^[2]» — не вызвало в уме Билли никаких ассоциаций, и он решил промолчать. Его удивление только возросло, когда там же, в оранжерее, он увидел растянувшуюся на ротанговой кушетке женщину с толстенным, неподъемным каталогом мод. Она выглядела молодо, это впечатление не портили даже густой слой косметики и замысловатая прическа. Платье с рисунком «под тигра» и отброшенные в сторону туфли стриптизерши усиливали ощущение, что это был ее «рабочий» наряд. Рядом с девушкой на низком столике стоял ярко-розовый коктейль.

— Лорел, — представил свою гостью Вроблески. — Иные скажут, что она — грязная шлюха, охотница за кошельками. Но только не я.

Девушка, не отрывая глаз от журнала, тихо хихикнула. Билли Мур по-прежнему молчал, не находя, что тут можно сказать или сделать.

— Как обстоит дело с парковочным бизнесом? — спросил Вроблески.

— Нормально, — буркнул Билли.

— Первый миллион уже заработал?

— Нет.

— Ну хоть что-то заработал?

— Конечно, да только расходов очень уж много. С ум сойти, сколько приходится платить толковому коменданту стоянки, а еще...

— Подробности мне ни к чему. Я всего лишь прощупываю, не заинтересует ли тебя работенка на стороне, способная пополнить твои наличные поступления. Считай нашу встречу собеседованием с работодателем.

— Я стараюсь не нарываться на неприятности.

— А разве все мы не стараемся?

— Мне сдается, ваши неприятности не так банальны, как мои.

— Неужели? Ты, конечно, всякого наслышан обо мне, но поверь, только половина из этого — правда.

— Какая именно половина? — спросил Билли.

Вроблески по достоинству оценил вопрос.

— Я и сам не знаю. Главное, когда люди рассказывают о тебе ужасные вещи, это всегда идет на пользу бизнесу.

Билли кивнул. Он не собирался возражать.

— Разумеется, после нашей встречи на аукционе я навел о тебе справки, — продолжал Вроблески. — И получил исключительно хорошие отзывы.

— Вы им поверили?

— Ну... наполовину.

Вроблески посмотрел сквозь стеклянную стенку оранжереи наружу. Что-то там — невидимое, но осязаемое — явно его удручало.

— Люди говорят, у тебя есть мозги, — сказал он. — А мне сейчас лишние мозги не помешали бы.

Билли хмыкнул. Надо быть круглым идиотом, чтобы поверить, будто Вроблески привлекли его умственные способности.

— Говорят также, что ты — крутой парень.

— Я не корчу из себя крутого, — ответил Билли.

Оба про себя отметили: ответ удачный.

— Сколько тебе лет? — спросил Вроблески.

— Тридцать.

— Разведен, так?

— Так.

— И у тебя есть двенадцатилетняя дочь?

— Да.

Все было верно и не представляло собой тайну. Билли Мура не удивило, что Вроблески основательно подготовился к встрече, но все же он чувствовал себя неуютно оттого, что вынужден говорить о дочери в таком месте и с таким человеком.

— Она с тобой живет?

— Сейчас — да. Поэтому мне и нельзя нарываться.

— Дети... Это такая ответственность, правда?

— Да уж.

Билли подозревал, что Вроблески мало знал или беспокоился о детях, однако с ответственностью он попал в точку.

— Эй, Лорел, — позвал хозяин дома, моментально забыв про детей, — встань, разденься до пояса.

Девушка выполнила приказание, сбросила плечики платья, и оно опало, повиснув на талии. На мгновение Лорел встретилась глазами с Билли, но тут же отвернулась. Ее поведение могло показаться застенчивым, хотя на самом деле никакого отношения к застенчивости не имело. Девушка повернулась к Билли задом. Вся ее спина была грубо, неумело изрисована пересекающимися линиями красного, черного и синего цвета, какими-то неуклюжими штрихами, квадратами, кругами, символами, стрелками. Безобразный сумбур, нанесенный второпях, кое-как.

— Что это, как ты думаешь? — спросил Вроблески.

— Мне полагается это знать?

— А если бы я сказал, что это — карта?

— Раз так, поверю на слово.

Билли присмотрелся. Если значки действительно представляли собой карту, то она была еще чуднее всех остальных в этом доме.

— Не пойми что, верно?

Билли согласно кивнул.

— Я тоже озадачен, — признался Вроблески. — А мне очень не нравится состояние озадаченности.

Рядом с тахтой в черном эмалированном горшке рос толстый, размером с баскетбольный мяч золотистый ферокактус. Вроблески рассеянно надавил указательным пальцем на одну из загнутых колючек, словно решил сдать кровь на анализ.

— Знание — сила, верно? — спросил он. — На мой взгляд, сила бывает двух типов. Один тип — когда ты способен заставить других делать то, что нужно тебе. Так представляют себе силу большинство обывателей. Есть и другой тип — когда никто не может тебя заставить делать то, что ты не хочешь делать. По мне, такая сила лучше. Но в данный момент у меня нет никакой.

Билли Мура признание застало врасплох. Выходит, Вроблески вовсе не сгусток бесконтрольных побуждений и агрессивных инстинктов, каким его представляют другие? То, что он способен выказывать некоторую слабость, в глазах Билли делало характер знаменитого киллера только крепче, хотя его личное мнение о Вроблески, понятное дело, не стоило и выеденного яйца.

— У меня есть для тебя работа, Билли, — сказал хозяин дома. — Или для такого человека, как ты.

— Что за работа?

Описание рабочих обязанностей началось с глубокого вздоха.

— Похоже, Лорел не единственная женщина, кому сделали подобную татуировку. Я, конечно, знаю, что нынче татуировки заказывает себе каждая шлюха, но не такие.

Билли проглотил вопрос «а какие?». Он не разбирался в отличительных особенностях татуировок. Вместо этого он спросил:

— И много таких женщин?

— Ты задаешь меткие вопросы, Билли. Если бы я знал ответ... На данный момент работа эта не имеет конечного срока. Но если я поручу ее тебе, делать надо вот что. Тебе позвонит мой человек Аким, скажет, что есть татуированная женщина, которую надо привезти сюда. Объяснит, где она находится. Розыски — не твоя забота; Аким — мастер находить всякие вещи. Ты едешь за ней и везешь ее ко мне. Об остальном я позабочусь сам.

— Что-то очень уж просто.

— Так и есть.

— А женщины захотят со мной ехать?

— Необязательно. Видишь? Уже не так просто.

Вроблески опять устремил взгляд за окно оранжереи, на нежное, широкое, гаснущее небо цвета индиго и город под ним, на частично снесенное офисное здание и незаметно растущий рядом, словно складываемый из кубиков конструктора, небоскреб. Билли посмотрел в том же направлении, удерживая себя от поспешных выводов.

— С этими женщинами потом случится что-то нехорошее? — спросил он.

— Что-то нехорошее с ними уже случилось.

Билли терялся в догадках и в то же время понимал, что его хотят заинтриговать.

— Видишь ли, — сказал Вроблески, — если только человек не конченный маньяк, убийство оставляет в душе осадок.

Он говорил неуверенно, словно сам лишь недавно открыл для себя эту истину и не до конца в ней убедился. Вроблески вышел из оранжереи на террасу. Билли последовал его примеру. Ему не хотелось оставаться один на один с Лорел, кактусами и рельефной картой Иводзимы.

— По моим сведениям, ты не законченный маньяк, Билли. Я тоже, что бы обо мне ни говорили. Поверь. Хотя можешь не верить. Разницы все равно никакой.

Вроблески погрузился в молчание.

— Что теперь?

— Езжай домой, — ответил Вроблески. — Если я решу, что ты мне подходишь, тебе позвонят. Захочешь оставить работу за собой, скажешь: «Я готов поработать на мистера Вроблески». Если же решишь отказаться, то скажешь: «Благодарю, но я отклоняю предложение мистера Вроблески». Хотя полагаю, что ты мне не откажешь, Билли. Еще вопросы будут?

— Деньги?

— Деньги не проблема.

— Почему я?

— Может, прикид твой приглянулся, — небрежно бросил Вроблески. — А может, ты напоминаешь мне самого себя. Такую хрень обычно говорят на собеседованиях, не так ли?

— Угу. На собеседовании что угодно можно услышать.

Встреча выдохлась. Вроблески сказал все, что хотел, и отвел Билли Мура во двор, где стоял «Кадиллак» гостя. В отсутствие хозяина автомобилем, очевидно, занимались, он еще влажно блестел, а вокруг стояли лужи воды, и все-таки, когда Билли осмотрел машину, она не показалась ему чище, чем прежде. Грязь только размазали. Зачем? Нарочно, что ли? Зато стоящий рядом внедорожник сиял такой чистотой и чернотой, что, казалось, засасывал в себя свет.

— Неплохая тачка, я знаю, — сказал Вроблески. — У меня много красивых вещей. Когда я обещал как-нибудь показать тебе свою коллекцию карт, я не кривил душой.

— Хорошо, — ответил Билли, маскируя ответом полное отсутствие интереса. Карты? Кому до них какое дело? Он сел в машину, готовясь вернуться в привычный для него мир. Билли знал: Вроблески работу предложит, и он от нее не откажется, потому что нуждается в деньгах. Он также понимал, что, возможно, подписывается на гораздо большее. И что люди, обещавшие не нарываться на неприятности, не должны так себя вести.

5. Зак Уэбстер ставит себя на карту

Часы показывали шесть тридцать длинного, неутомного летнего вечера — в это время Зак Уэбстер обычно закрывал магазин. Скорее всего, сегодня больше никто не заглянет — посетителей бывало мало даже в лучшие времена. По сути, Зак мог открывать и закрывать магазин, как заблагорассудится. Никто не дышал ему в затылок. Его босс, Рэй Маккинли, владелец этого и многих других заведений, гордился стилем управления а-ля «спустя рукава» и доверял Заку. Точнее, был хорошо осведомлен о патологическом чувстве ответственности своего работника. Если табличка на дверях возвещала, что магазин открыт с десяти до семи, то Зак будет открывать и закрывать его как полагается.

Магазин назывался «Утопиум», однако название это таило в себе неочевидный подтекст. Оно содержало окольный намек на цитату из Оскара Уайльда: «Если в мире отсутствует Утопия, на такую карту мира не стоит и смотреть, потому что не увидим той земли, куда все время стремится Человечество»^[3]. Зак не уставал повторять всем, кто был готов слушать, что на самом деле карт Утопии существовало великое множество, начиная с версии 1516 года в книге Томаса Мора, а также более поздние гравюры, лубки, оттиски и тому подобное.

Это и служило источником доходов «Утопиума» — магазин продавал картографический антиквариат: карты географические и навигационные, атласы, изредка реквизит картографов, складные циркули, старинный разметочный инструмент. Товар был рассчитан на особого покупателя — чересчур особого, как иногда думал Зак.

Магазин занимал небольшое, темное, обшитое дубом помещение в две комнаты с подвалом-хранилищем в тихом захолустье, некогда районе красных фонарей, который миграция населения, строительная активность и ползучая джентрификация^[4] превратили в новую «зону искусств и ремесел». С магазином соседствовали галерея непризнанного искусства, лавка продавца валторн и салон уникальных свадебных платьев. Никто из соседей не процветал, что можно было сказать и об «Утопиуме».

Хозяина такое состояние дел вполне устраивало. Он неоднократно объяснял Заку, что среди множества бизнес-проектов магазин причинял забот меньше всего. Увлекавшийся картами и антиквариатом Рэй Маккинли купил магазин довольно случайно, сжалившись над беспросветным положением прежнего владельца и соблазнившись невероятно низкой ценой. В сделку входили помещения, наличный товар и единственный плохо оплачиваемый работник — Зак, хотя последнего никто не предупредил, как долго его собирались держать. Пока что магазин работал, но Рэй Маккинли любил повторять, что главную ценность представляла не сама торговая точка, а земельный участок. Со временем джентрификация наберет силу, землю продадут, и хозяин срубит кучу денег. Что это означало для Зака, не обсуждалось — он вполне мог стать безработным. А заодно и бездомным.

Зак жил в тесной квартирке над магазином, места в которой оставалось еще меньше из-за хранившегося в ней товара. Эти предметы не имели коллекционной ценности, по большей части их приобрели в нагрузку к действительно неординарным вещам. Квартиру загромождали коробки вышедших из употребления дорожных карт, целая охапка школьных атласов, несколько десятков дешевых, весело раскрашенных глобусов. Зак смирился с обитанием среди остатков непроданного товара.

Поиски новой работы или нового жилья были ему не в новинку, но и не в радость; если разобраться, лучшей работы, чем в магазине карт, у него не случалось и, возможно, уже не

случится. Разумеется, Зак не мечтал о такой жизни и карьере; с другой стороны, он никогда не отличался амбициями и не строил конкретных планов на будущее. Образование его состояло из ряда мало связанных между собой курсов — по антропологии, истории девятнадцатого века, авангардному кино, музейному делу, управлению архивами и, конечно, картографии различного вида — традиционной, критической, планетной и радикальной.

Какую стезю подобный набор предметов мог ему уготовить, сказать было трудно. Несмотря на грамотность и эрудицию, Зак не годился в ученые — его интересы были слишком узки и экстравагантны: Леон Баттиста Альберти^[5], сборные карты восемнадцатого века, дебаты вокруг «неделимых элементов информации». Он не собирался получать докторскую степень, писать книги, тем более преподавать. И хотя подчас Зак воображал себя опекуном или хранителем какой-нибудь в высшей степени специализированной, возможно, тайной коллекции карт, он отдавал себе отчет, что просто-напросто фантазирует. Все остальное время он считал себя картоголиком. А где еще работать картоголику, как не в магазине карт? Такую работу можно считать везением.

Пока же Зак сидел за стойкой и смотрел в окно на улицу скучающим — а каким еще в таких обстоятельствах? — взглядом. Поэтому, когда на тротуаре появилась движущаяся груда тряпья, он не сразу сообразил, кто или что перед ним. Ясное дело, тряпье не могло двигаться само по себе, кто-то внутри него перебирал ногами. В районе еще встречались последние оборванные бродяги, однако здесь явно другой случай. Во-первых, тряпки эти когда-то были ценной тканью, возможно накидкой или бархатной шторой. Теперь ткань испачкалась и свалялась, но все еще сохраняла остатки былой роскоши.

Тюк остановился, на минуту замер и стал расти — человек внутри него решил подняться. Появилась голова — женская. Лицо скорее моложавое, чем молодое, осунувшееся. Длинные волосы цвета мокрой газеты — женщина некогда была красива. Ее глаза остановились на вывеске «Утопиума», в них зажглась надежда. Она запахнулась в тряпье и направилась к магазину.

Первым побуждением Зака было преградить вход, не впускать бродяжку в магазин, потом он решил сперва чуть-чуть приоткрыть дверь и поговорить с ней, сказать — строго, если потребуется, — чтобы шла себе подобру-поздорову. Но когда он заглянул женщине в глаза, внутри зашевелилось слабое сочувствие.

Женщина ответила опасливым, полным подозрения взглядом и произнесла хриловатым голосом:

— Вы мне не поможете?

Зак подумал, что она имеет в виду деньги, пошарил по карманам и обнаружил лишь унизительно малое количество мелочи.

— Что здесь? Не больница ли? — спросила женщина.

— Нет. Магазин.

Лицо женщины скривилось, словно она привыкла постоянно испытывать горькие разочарования. Кстати, неподалеку находился пункт неотложной помощи. Зак хотел было объяснить, как туда пойти, но не успел.

Тряпки, оказалось, не падали только потому, что бродяжка прижимала их к телу руками. Услышав, что «Утопиум» не медицинское учреждение, женщина ослабила хватку, и ее «одежда» упала на мостовую. Откуда ни возьмись, на пороге перед Заком оказалась обнаженная женщина. Тело — худое, бледное, неопрятное, ребра торчат, кожа обвисла. Прежде чем Зак успел как следует его рассмотреть, незнакомка быстро повернулась к нему

спиной.

Спина ее казалась не такой голой, как остальные части тела, потому что была покрыта татуировками — резкими, бессмысленными линиями и символами, которые на первый взгляд напоминали кляксы или дикие каракули. И все же в них было что-то интригующее. Зак с сомнением подумал: не карта ли это, убогая и грубая? Однако рассмотреть ее не получилось — женщина вновь повернулась к Заку лицом и закуталась в тряпки. Перед ним на мгновение приоткрылся образ чего-то потаенного и прекрасного — на большее он рассчитывать не мог.

Не понимая, что увидел минуту назад, почему это было ему показано, и не на шутку смутившись, Зак пробормотал, что может запереть магазин и отвести ее в пункт неотложной помощи, если она пожелает. Женщина лишь грустно покачала головой.

Зак понятия не имел, что делать дальше. Он испугался, что они простоят здесь до утра, ничего не говоря, никогда уже не расцепятся, не в силах принять какое-либо решение, но тут заметил помятый «Кадиллак» цвета «синий металлик», остановившийся чуть ниже по улице. А может быть, он стоял там все это время? Автомобиль прокатился метров сто и замер прямо перед магазином.

Водитель в потрепанной кожаной куртке сначала открыл пассажирскую дверцу и только потом вышел. Он быстро и целеустремленно направился к женщине, крепко схватил ее за руку, другой обнял за талию и усадил в машину. Никакого насилия или даже грубости, тем не менее сопротивление казалось бесполезным. Женщина и не пыталась сопротивляться. Как только она оказалась в машине, водитель захлопнул дверцу, посмотрел вокруг и перехватил напряженный взгляд Зака. Продавец отвел глаза в сторону, чтобы не провоцировать незнакомца, неуклюже пытаясь сделать вид, что рассматривает витрину магазина. Он не отважился взглянуть на водителя второй раз и дождался, пока тот сел в «Кадиллак» и уехал.

Зак так и остался стоять на пороге наедине со множеством сомнений и тревог. Все произошло очень быстро. Что означала эта сцена? А татуировка на спине женщины — действительно ли это карта? Быть может, карту показали ему не случайно? Если так, то зачем? Мысленный образ уже начал таять — возможно, к лучшему. Кто этот тип с машиной? Опекун? Бойфренд? Похититель? Зак заинтригованно посмотрел в направлении, куда уехал автомобиль, понимая в то же время, что ничего не увидит, по крайней мере ничего такого, что помогло бы сделать какие-никакие выводы. Он не сразу заметил, что рядом с ним кто-то стоит.

Это была девушка примерно его возраста или моложе. Высокая, немного нескладная, в хорошей форме, на лице — стальная решимость и в то же время недоумение. Одежда — с чужого плеча, мужская куртка слишком большого размера, мешковатые брюки, берцы, крупные черные глаза выглядывают из-за очков в черепаховой оправе. В облике что-то противоречило ее имиджу, как будто бы она старалась выдавать себя за эрудированную хипстершу, кем на самом деле не являлась. Девушка сидела на велосипеде. Зак не мог определить, чем его считать — старой рухлядью или стильным ретро. С ее плеча свисал солидного вида фотоаппарат.

— Ты тоже видел? — спросила девушка.

— Видел. Но не уверен, что именно, — честно признался Зак.

— Но женщину и ее спину ты заметил?

— Да, — ответил Зак. — Как такое не заметить.

Девушка с отстраненным любопытством взглянула на витрину магазина.

— Давно он здесь?

— Порядочно.

— Странно. Я раньше его не замечала.

Заку это вовсе не показалось странным. У людей, не интересующихся картографией, не было повода обращать внимание на «Утопиум».

— Заходи, если хочешь, — предложил он. — Посмотришь, что есть внутри.

Зак и сам не знал, зачем пригласил незнакомку. Ничто в облике девушки не выдавало потенциальную клиентку, ее реакция на предложение только закрепила этот вывод — сделав полушаг к входной двери, она заколебалась, сунула нос внутрь магазина и слегка передернула плечами.

— Нет уж, спасибо, — сказала она. — Меня от этого места оторопь берет.

Проводив взглядом фигуру на велосипеде, Зак так и не понял, что именно его задело в ответе незнакомки.

Наконец магазин можно было закрыть и пойти погулять по окрестностям. Зак часто так делал. В городе царил полный разброд: его одновременно строили и сносили; меняя облик, разрушали характер. Вероятно, подобное происходило во всех городах, но здесь были свои отличия — великие перемены затевались во имя возрождения и обновления, государственных и частных починов, культурного и коммерческого ренессанса. Увы, почти ничего не доводилось до конца. Проекты то и дело зависали, сметы проедались либо цеплялись за подводные камни планирования. Одни здания оставались недостроенными, другие — недоразрушенными; город, казалось, охватил болезненный страх перед завершенностью.

Куда бы ни пошел Зак, ему везде попадались объезды, перегороженные тротуары, прикрывающие дыры в мостовой стальные щиты, выполняющие запрещенные маневры грузовики чудовищных размеров. Все улицы были либо перекрыты, либо сужены до одной полосы. Сама ткань города была растерзана — и на поверхности, и под землей. Одним из блистательных престижных проектов считалось расширение подземки — прокладка новой, Платиновой линии, призванной соединить деловой центр с трущобами на северной окраине. Никто не находил в этом проекте пользы. Работы вызывали периодические подземные сотрясения — в твердых слоях почвы прорубали новые туннели. Толчки внушали Заку подспудную тревогу и ощущение недоброго предзнаменования.

Зак шел и размышлял об увиденном, пытаясь найти в нем какой-либо смысл. Сцена смущала, но на величайшую загадку мира все же не тянула. Странные женщины садятся в странные машины странных мужчин и ярким днем, и темной ночью. Люди делают себе всяческие непонятные татуировки. Многие влачат неопределенное, бессмысленное существование. Наверное, и не стоит искать во всем этом резона. Наверняка через день-два инцидент выветрится из памяти. С девушкой в черепаховых очках дело обстояло сложнее: ее, как Зак уже понял, быстро выбросить из головы не получится.

6. Первое задание Билли Мура

Первое задание оказалось элементарным. Любой дурак справился бы. Впрочем, возможно, так и было задумано: ему дали шанс доказать, что он не любой дурак. Билли понимал: настоящие испытания и сложности впереди.

Ему позвонили, и густой, низкий, немного манерный незнакомый голос произнес: «Я звоню от мистера Вроблески. Он решил предложить вам работу».

Как и ожидалось, Билли Мур не сказал: «Передайте мистеру Вроблески, что я нашел другую работу». Вместо этого он спросил:

— А мистер Вроблески сам не мог позвонить?

Голос ответил:

— Мог, но в этом нет нужды.

— Тогда с кем я разговариваю?

— Меня зовут Аким.

— Ага. Мойщик машин?

— Мыть машины — одна из моих второстепенных обязанностей.

Билли Мур решил не напоминать Акиму о том, что «Кадиллак» тот помыл хреново.

— Вот как? Есть и другие?

— Ясное дело. Поэтому я и звоню — передать время и место, где найти женщину, которую надо доставить мистеру Вроблески.

— Ладно, — сказал Билли. — Тогда приступим к делу.

Поначалу он сомневался, сможет ли опознать ту, что нужно, но это оказалось наименьшей заботой. Ему сообщили, что объект живет на улице, имеет татуировку, похожую на татуировку Лорел, и все-таки Билли не ожидал, что найти женщину будет так легко. Тем более он не мог себе представить, что та будет разгуливать по улицам голой. Разглядев, в каком она состоянии, Билли расхотел сажать ее в свою машину. «Кадиллак» — хоть и помятый снаружи — был его вотчиной. Тряпки на женщине грязные и наверняка воняют. Такая запросто может наблевать, насрать или запачкать обшивку кровью. Могла заартачиться, засучить ногами, закричать — придется, чего доброго, тащить волоком или надавать по ушам. Опять же опасения не сбылись: Билли попросту подвел женщину к машине, и та без разговоров в нее села. Да, чересчур все просто.

Оказавшись в салоне, незнакомка согнулась на сиденье — то ли устала, то ли набычилась. Билли не сразу разглядел, что она прикрыла глаза и выглядит вполне довольной. Еще бы — лучше сидеть в машине, чем торчать где-нибудь в подворотне. Женщина, похоже, засыпала, что Билли вполне устраивало. Некоторое время они ехали в молчании, хотя рассчитывать, что оно продлится до самого конца, не приходилось. Потом пассажирка зашевелилась, открыла глаза и если не встревожилась, то, по крайней мере, обратила внимание на происходящее вокруг. Осмотревшись в салоне, она одобрительно сказала:

— Элегантно. А куда мы едем?

Билли никто не инструктировал, что говорить. По наитию он решил ответить уклончиво:

— К одному другу.

— Вашему или моему?

— Скажем, общему.

Ответ на время удовлетворил женщину. Она смотрела в боковое окно; глаза ее закрывались, взгляд то обретал, то терял четкость. Тут ей пришла в голову новая мысль.

— А как я вернусь?

Билли не знал и попросту ляпнул первое, что пришло в голову:

— На автобусе.

— Увозят на «Кадиллаке», а обратно — на автобусе?

— Все верно.

— Ну что ж...

Женщине такой поворот событий не показался странным. Затем ее посетила еще одна мысль.

— А что со мной будет, когда мы приедем к вашему другу?

— Это секрет.

Ответ, очевидно, не попал в цель.

— Меня зовут Женевьева, — представилась женщина.

— На Женевьеву ты не похожа, — заметил Билли.

— Раньше была похожа.

— Может, еще будешь.

— Ты так думаешь?

Они подъехали к владениям Вроблески. Услужливый привратник Чарли открыл перед «Кадиллаком» ворота. Вроблески и Аким ждали во дворе у внедорожника, который, похоже, не сдвинулся с места со времени последнего визита Билли. Не глуша двигатель, Билли вылез и обошел вокруг автомобиля, чтобы выпустить пассажирку; ему претила роль наемного шофера, но все же он решил оказать женщине некоторое уважение. Женевьева выбралась из машины, прижимая к телу бархатное тряпье, и остановилась, слегка покачиваясь под звуки слышной ей одной музыки.

— Тебя, надеюсь, никто не видел? — спросил Вроблески.

Такой вопрос предполагал лишь один ответ.

— Никто, — соврал Билли.

— Когда тебя кто-нибудь замечает, ты обязан принимать меры.

— Понятно.

Женщиной занялся Аким. Он обнял ее за плечи, показывая всем видом, что это дело ему намного приятнее, чем мойка машин; в руке у него мелькнул предмет, похожий на шприц. Билли отодвинул от себя мысли о том, что будет с беднягой. Задавать лишние вопросы Вроблески — себе дороже.

На обратном пути пошел дождь. О ветровое стекло «Кадиллака» шлепались крупные, жирные сгустки воды. Билли тянул время, не включая «дворники». Мир за окном подернулся жилками, как мрамор. Билли немного приоткрыл боковое стекло, ловя брызги щекой, и наконец повернул тумблер стеклоочистителей. Размытая панорама за лобовым стеклом разгладилась и очистилась.

На пассажирском сиденье лежал конверт с деньгами — вознаграждение за выполненную работу. Билли остановился у обочины напротив исламского супермаркета с опущенными ставнями и вскрыл конверт. Денег было намного больше, чем он ожидал. Их, конечно, найдется на что потратить — стоянка требовала благоустройства, Карла клянчила новый мобильник, — однако такие деньжищи не платят обычным водителям за доставку бездомных бродяг. Вроблески не скупился; это в равной мере и тешило самолюбие, и

настораживало. Билли старался не думать, что произойдет с Женевьевой в доме Вроблески, но не очень преуспел.

Карла не ложилась спать, дожидалась отца: сидела в своем трейлере, за столом. На экране ноутбука красовался лев.

— Хорошо провел вечер? — спросила она.

— Работал.

— Парковочный бизнес отнимает уйму времени, как я погляжу.

— Ну да. А ты чем тут занималась?

— Думала о львах.

Билли взглянул на экран и хмыкнул:

— Вижу.

— Ага. И о «Волшебнике страны Оз». По книжке Трусливый Лев такой один. Но ведь это же неправда! Все львы — трусишки. Нападая на стадо антилоп, всегда хватают самых слабых, отставших, разве не так? Схватки с самыми могучими и крутыми антилопами они не ищут, не пытаются доказать храбрость.

— Разве антилопы бывают могучими и крутыми?

— Ну-у... должны же быть такие, что крупнее и круче других.

— Пожалуй. И больше ты ничем не занималась? Все время думала только о львах?

— Ага.

— Как твоя кожа?

— Как обычно.

— Дай посмотрю.

— Нет.

— Ладно тебе, закатай рукав.

— Не хочу.

— Что ты там прячешь?

Карла не могла признать, что действительно что-то прячет, поэтому задрала рукав на правой руке. Билли сначала показалось, что он видит красную воспаленную сыпь.

— Опять игралась?

— Так время быстрее идет.

— Мало тебе черепа с костями?

Дочь пожала плечами.

— Захотелось чего-нибудь новенького.

Однако, присмотревшись, Билли заметил в беспорядочных пятнах некую систему. Царапая кожу, Карла вывела, словно татуировку, набухшее слово «папа».

— Зря ты это сделала. Мило и трогательно, но все равно зря.

Девочка без приглашения задрала другой рукав и показала левую руку со словом «мама».

— Еще трогательней, — сказал Билли, хотя картина его скорее задела, чем тронула.

— Не волнуйся. Скоро рассосется.

7. Ночь за стеклом

Купол оранжереи штриховали капли дождя, внутри горели несколько расставленных среди кактусов свечей. Их пламя отражалось на стекле в промежутках между иглами и лопатками растений, еще больше оттеняя мокрую тьму снаружи. По рельефу Иводзимы бегали тени. Лорел, бездельничая, валялась на кушетке; девушка не спала, но либо выпила лишнего, либо просто устала, — голова ее почти касалась черно-синего острия листа агавы, в то время как мысли блуждали далеко-далеко. Вроблески и женщина с неподходящим именем Женевьева сидели друг против друга в плетеных креслах. Хозяин наполнил два бокала вина. Женевьева держала свой обеими ладонями, словно тот мог упорхнуть.

— Как ты себя чувствуешь? — заботливо — или пытаюсь выглядеть заботливо — спросил Вроблески.

Женщина несколько раз моргнула и, не глядя на собеседника, без выражения ответила:

— Нормально.

— Я рад, что ты согласилась приехать.

Если фраза и показалась ей странной — разве у нее был выбор? — то она не подала виду. Возможно, ее ничего больше не удивляло.

— Не жизнь, а сплошной кошмар, верно?

Женевьева повела плечами: какая, мол, разница?

— Я не напрашивалась на встречу.

— Что правда, то правда, — согласился Вроблески. — Кстати, во что это ты закутана?

— В занавес, — ответила она. Похоже, она посчитала это объяснение достаточным или попросту не захотела вдаваться в детали.

— И ты под ним голая?

— Под одеждой мы все голые.

— Очень глубокая мысль, — тихо произнес Вроблески. — Покажи.

Женщина помедлила ровно настолько, чтобы отпить еще глоток и поставить бокал на пол, и плавно, величественно поднялась, позволив бархатному занавесу — если это был действительно занавес — опуститься сзади на кресло. Полностью обнаженная, она потянулась, ища опоры, кончиками грязных пальцев к краю рельефной карты, но Вроблески подал воспреещающий знак. Тогда женщина отступила на шаг и искоса взглянула на собственное молочно-бледное отражение в стекле оранжереи, затем с невозмутимым спокойствием перевела взгляд на Вроблески.

— Я хочу, чтобы ты повернулась ко мне задом, — сказал он.

— Как угодно.

Женщина выполнила указание, словно позировала на уроке рисования. Вроблески поднялся и подошел к ней почти вплотную. От тела исходило тяжелое амбре — запах лука и застоявшегося пота, но хозяин дома не обратил на него внимания. Он пристально всмотрелся в татуировку на спине женщины.

— Когда ты ее сделала?

— Не я сделала, а мне.

— Кто?

— Не знаю. Я не видела его лица. Кто угодно мог быть. Даже ты.

Вроблески никак не отреагировал на колкость.

— Меня привязали, — продолжала Женестьева, — к металлическому столу. Где — не знаю. В каком-то подвале. А может, и нет. Где именно это случилось — неважно, так ведь?

— И с тех пор ты живешь на улице?

— Я всегда жила на улице.

— Тебе известен смысл этой татуировки?

— Смысл? Что ты имеешь в виду?

— Да ты, я погляжу, философ. Я имею в виду, что эта татуировка — карта, верно?

— Ты хорошо соображаешь. Я долго думала, прежде чем дошла своим умом.

— Тебя не интересует, карта чего именно?

— Раньше интересовало. Потом я перестала о ней думать. Что бы там ни было на карте, я туда не хочу.

— Как знать... Возможно, ты там уже побывала, — заметил Вроблески, продолжая внимательно рассматривать тату, щурясь от недостатка света, как путешественник, замороженный надписью на стене заморской пещеры. Он сделал еще шаг и протянул руку, как бы желая дотронуться до женщины, но кончики его пальцев замерли в нескольких сантиметрах от поверхности кожи, словно опасаясь ожога.

— Ты не собиралась ее свести?

— Такая операция мне не по карману.

— Или могла бы нанести поверх нее другую татуировку, что-нибудь посимпатичнее. В японском стиле, например.

— Могла бы? Я?

— Конечно, если ты не считаешь, что уже поздно.

Женестьева восприняла последние слова как угрозу.

— Что ты намерен со мной сделать?

Вроблески посмотрел на жертву с некоторой симпатией. Вопрос был задан по существу.

— Не знаю, — искренне произнес он. — Пока не решил.

— А какие есть варианты?

— Этого я тоже пока не решил.

— Хочу еще вина, — сказала Женестьева.

Вроблески наполнил ее бокал.

— Послушай, тебе придется пожить у меня некоторое время. Здесь тебя не обидят. Пока я не определюсь, какой вариант лучше.

— Лучше для кого?

— А ты сама как думаешь, Женестьева?

Та оглянулась на Лорел. Девушка на тахте ответила приветливой улыбкой.

— Решил завести гарем? — спросила Женестьева.

— Нет. Ничего подобного.

— Фрик-шоу?

— Мы все немножко фрики, разве не так?

Неожиданно в оранжерею вошел Аким, остановился рядом с Женестьевой, держа в руках черный шелковый халат — длинный, просторный, с вышитыми лиловыми и красными маками, — и ласково набросил его женщине на плечи, похлопав ее по боку с интересом, несколько выходящим за рамки формальных обязанностей.

— Теперь о тебе позаботится Аким, — сказал Вроблески. — Аким умеет заботиться.

8. Открытая спина

В подвальном помещении — узком и мрачном, с высоким зарешеченным окном — в один ряд стоял десяток односпальных кроватей, в дальнем углу работал телевизор, а на стене висела вставленная в рамку карикатурная карта Манхэттена, выполненная в фальшивой трехмерной манере, с Кинг-Конгом, свисающим с Эмпайр-Стейт-Билдинг. Наступило утро. Женестьева, после того как Аким позаботился о ней, хорошо выспалась.

Она проснулась, потому что в комнате был кто-то еще — женщина, которую Женестьева мельком видела в оранжерее, Лорел. Она держала в руках поднос с завтраком — то ли прислуга, то ли тюремщица, то ли будущая подружка. Утренний наряд Лорел не отличался от вечернего — все те же шпильки и платье-футляр с открытой спиной. Лорел опустила поднос и повернулась задом, представив на обозрение Женестьева свою собственную татуировку. Та осмотрела и поднос с завтраком, и Лорел с одинаковым недоверием.

— Что это значит?

— Обыкновенный завтрак, — ответила Лорел. — Яичница с беконом. Не отравя. Хочешь, я первая попробую?

Женестьева отрицательно покачала головой и принялась есть — медленно и основательно.

— Я хотела сказать, что это все значит? Кто он такой? Чем занимается? Что это за место? Зачем меня сюда привезли?

— Его зовут Вроблески. Бандит. Мы в его доме. Тебя, как и меня, привезли сюда из-за татуировок.

Женестьева получила ответы на вопросы — но не объяснения.

— Зачем? Он что, большой любитель тату?

— Нет, на самом деле он коллекционирует карты. Выколотые карты ему, похоже, нравятся меньше. Они его тревожат. Почему — не знаю.

— Нас всех что-нибудь тревожит.

— Вроблески не любит, когда его беспокоит что-то неопределенное.

Женестьева не торопясь прожевала.

— Мне положено испугаться?

— Мистер Вроблески умеет нагонять страх.

— А с тобой что случилось? — спросила Женестьева, хотя уже примерно догадывалась.

— Я — девочка по вызову, ясно? Высшего разряда. Приехала сама, без охраны. Я дорого стою. Ничего не боюсь. Поступил вызов. Села за руль, поехала одна. Район не подозрительный, но адрес оказался фальшивым. Улица есть, а дома с таким номером нет. Пока сообщала, кто наехал, меня вытащили из машины, глаза закрыли повязкой, связали и притащили в подвал. Там все и случилось.

— Знакомая история. Лица ты тоже не видела, я угадала?

— Да. Сначала я хотела свести татуировки или сделать новые — поверх старых, но странное дело — оказалось, что с дурацкими наколками на теле я стала зарабатывать больше, чем без них.

— Да-а? Почему?

— По-моему, большинство мужиков — больные на всю голову и, соответственно, предпочитают больных на всю голову баб. Вот почему. — Лорел поежилась.

— И ты оставила себе татуировки, чтобы с их помощью зарабатывать деньги?

— Может быть, наколки заставляют меня помнить, кто я на самом деле.

— Кому охота это помнить?

— Затем поступил еще один звонок. Пригласили обслужить мистера Вроблески. Аким все устроил и привез меня сюда. В это время Вроблески, очевидно, еще не знал о татуировках. Ну, мы начали делать то и это, я полностью разделась, он поставил меня раком и начал драть. Тут он, конечно, должен был заметить наколки — прямо у него под носом — но, похоже, отвлекся или сразу не рассмотрел как следует. А потом вдруг как что-то увидел! — не знаю, что именно, по сей день не знаю — и конкретно взвился. Крышу сорвало на хер. Я аж испугалась, что прибьет на месте. Не прибил. Но и обратно не отпустил.

— И давно ты здесь?

— Несколько месяцев. Здесь трудно следить за временем, знаешь ли. Я у него типа доверенное лицо. Теперь хоть не одна буду.

— Он меня убьет?

— Чего не знаю, того не знаю. Честно. По крайней мере, вроде не спешит.

— Убрать нас — стопроцентно один из вариантов. Надо бы предложить ему что-то еще.

9. Припугнул

Зак Уэбстер продолжал жить как прежде. А что еще прикажете делать? События прошлого вечера оставили странное ощущение, однако определить их место на общей шкале странностей он затруднялся. С одной стороны, происшедшее казалось случайной отрыжкой большого города; с другой, если подумать, случайного в нем было мало, скорее наоборот — нечто зловеще-определенное, так как затронуло его лично и «Утопиум».

Прошло несколько дней. Зак продал комплект карт Перу восемнадцатого века, поговорил по телефону с Рэем Маккинли, ни словом, впрочем, не обмолвившись о татуированной женщине. Он не знал, что говорить, да и стал бы Рэй слушать? Зак отбывал рабочее время, во вселенной случайных явлений понемногу устанавливался привычный порядок. Это всегда к лучшему, не так ли? А нового нарушения порядка вам не угодно?

Тянулся очередной бесконечный вечер, и опять почти подошло время закрытия, как вдруг Зак увидел через витрину припаркованный поблизости помятый «Кадиллак» цвета «синий металлик». Сердце ухнуло вниз. Зак почувствовал себя обманутым, пойманным в ловушку и — непонятно почему — возмущенным. Он смерил улицу взглядом в обоих направлениях, отчасти ожидая повторения истории, надеясь, что появится, покажет свою наготу какая-нибудь еще татуированная женщина. Ан нет, улица была совершенно пуста.

Из «Кадиллака» вылез водитель, небрежно прошелся вдоль тротуара, бросил беглый взгляд на «Утопиум» и ввалился внутрь. Зак робко поприветствовал его кивком, но поначалу посетитель не удостоил вниманием ни Зака, ни магазинный товар. Он неторопливо, целеустремленно обошел помещение, заглянул в запасник, словно проверял, есть ли черный выход, подвальный люк или вооруженная охрана. Зак предположил, что визитер ищет, где спрятаться. Сам того не ожидая, он глуповато промямлил: «Что вам угодно?»

Посетитель после долгой паузы спросил:

— Как торговля?

Билли Мур задал вопрос с неподдельным интересом, отчего Зак встревожился еще больше.

— Бывало и лучше, — искренне признался он.

— Ага. Всегда хочется, чтобы дела шли лучше.

Говорящий посмотрел на Зака с сочувствием, которое в равной степени можно было принять за презрение. Станный посетитель не был похож на человека, питающего уважение к торговой челяди.

— И кто только покупает такое дерьмо? — поинтересовался Билли.

— Люди, которым такое дерьмо нравится, — парировал Зак с легкой обидой в голосе.

Билли Мур медленно покивал, взвешивая сказанное, и, когда до него дошел смысл, вдруг спросил: «Ты здесь один?»

Зак захотелось крикнуть: «Нет, нет, в подвале сидит отряд самураев, у них чешутся руки устроить драку или разнять драчунов», однако на самом деле он сказал:

— На данный момент, да.

— Это хорошо. У меня для тебя есть намек.

— Кто вы такой?

— Без разницы. Да и с какой стати я бы стал тебе говорить? Намек вот какой: прошлой ночью ты видел женщину, татуировки, «Кадиллак», меня...

— Да-да?

— Короче — ты их не видел.

— Хорошо-хорошо, намек понял.

— Только есть одна загвоздка. Намек не устный. Я пришел тебя припугнуть. Ты как, уже испугался?

— Мне не по себе.

— Это не то же самое.

— Ну хорошо, предположим, испугался, — сказал Зак, но в его манере все еще сквозил оттенок дерзости, предполагающий, что запугать его все-таки не так легко.

— Этого мало. Я должен удостовериться.

— Каким образом?

— Я вынужден сделать тебе больно. Ничего личного.

— Не лучше ли причинить боль душевную?

— Пытаешься острить?

— Немножко. Стараюсь, знаете ли, сломать лед.

— Раз ты еще шутишь, значит, ни капли не испугался. Так?

Зак понял, что влип.

— И что вы конкретно намерены делать?

— Ну-у... сломать тебе что-нибудь.

— Да, это будет очень больно, — согласился Зак.

— На лице, например. Нос, зубы, челюсть — да что угодно...

Зак лихорадочно провел инвентаризацию собственной физиономии. Любая часть выглядела бесконечно хрупкой, тонкой, хлипкой, как античные карты.

— Нет, правда, я ничего не видел, — быстро проговорил он. — А если и видел, то не понял что. И уж точно никому не расскажу. Тут и рассказывать нечего. Мне теперь по-настоящему страшно.

— Уже лучше.

— Не лучше — дальше некуда. — Зак пытался говорить твердо, уверенно и убедительно, одновременно терзаясь мыслью: а не лучше ли было взять жалобный тон. — Вам вовсе необязательно делать мне больно. Я понял ваш намек. Идите себе на хер, идите.

Слетевшие с языка слова самого Зака застали врасплох, однако Билли Мур совершенно не удивился. Оба сразу почувствовали: разговор повернул не в ту сторону.

— Ты посылаешь меня на хер?

— Исключительно фигурально, — сказал Зак и тут же опять пожалел.

Билли Мур встал между ним и входной дверью в магазин. Зак не мог ни проскочить мимо, ни спрятаться в подсобке — Билли заранее убедился, что из нее нет выхода. Не видя других возможностей, Зак мысленно приготовился к драке. Ему приходилось участвовать в кулачных боях, и — будь на то его воля — он ни за что не стал бы ввязываться в еще один. Однако просить и умолять он тоже не собирался, поэтому решил, если получится, дать сдачи.

Увы, такого шанса ему не предоставили. Билли Мур задернул молнию на кожаной куртке, давая понять, что шутки закончились. Сделав полшага вперед, он без усилия нанес точный удар в центр туловища Зака, словно на нем была нарисована мишень. Хорошо хоть не по лицу, успел подумать Зак. Он зажмурился от боли и удивился ее силе — тело словно пробило стенобитным орудием. Идея дать сдачи сразу отодвинулась на задний план. Ноги

подогнулись. Легкие от нехватки воздуха обмякли. Прежде чем Зак упал на пол, еще один удар угодил ему прямо в глаз.

На полу Зак обхватил себя руками и попытался вздохнуть, но словно забыл, как это делается. Билли Мур встал поудобнее, чтобы как следует отпинать его, и положил зачин, заехав носком по левой почке. Зак изогнулся, его руки и ноги задергались, координация движений выключилась напрочь.

Еще удар ногой. Судя по вступительному диалогу, громила не планировал убийство, однако подобные типы нередко совершают промахи, увлекаются, поддаваясь азарту. Откуда-то издали, сквозь вагу, раздался звук хлопнувшей входной двери. В магазин зашел кто-то еще; смутно знакомый женский голос приказал: «Прекратите. Немедленно прекратите. Оставьте его в покое», — и, к величайшему удивлению Зака, избиение прекратилось.

Женский голос не смолкал. Зак понял — говорила девушка в черепаховых очках. Она была не на шутку разгневана, возмущена или, по крайней мере, делала вид. В любом случае ее вмешательство возымело эффект. Зак плохо соображал, что происходило выше уровня пола, но почувствовал, что обидчик отходит в сторону.

— Проваливайте отсюда! Вон! — кричала девушка. — Как вам не стыдно!

Билли Мур совершенно не терял спокойствия и тем более не выказывал признаков стыда. Он одернул куртку и разгладил волосы, хотя нападение на Зака никак не отразилось на его внешнем виде. Громила собрался было внять предложению и покинуть магазин, но девчонка еще не все сказала.

— А где та бедняжка, что приходила сюда прошлым вечером? Та, кого вы запихали в свою машину? Где она сейчас? Что вы с ней сделали?

Зак был уверен — ответа она не получит. Даже задавать такие вопросы — большой риск.

— Не твое собачье дело, — равнодушно ответил Билли.

Девушка держала в руках рюкзак. Резко замахнувшись, она трахнула им Билли по голове. Тот заморгал скорее от удивления, чем от боли, и даже не разозлился. Билли с грустью посмотрел на незнакомку.

— Знаешь, есть парни, которые гордятся тем, что никогда не бьют женщин. Я к ним не отношусь.

Он нанес один-единственный удар — не сногсшибательный кросс, доставшийся Заку, но и не бабскую пощечину, а скорее тычок — специальную версию для дам, угодив точно в левый глаз. Голова девчонки мотнулась назад, очки слетели с носа, и она тоже грохнулась на пол — почти рядом с Заком. Билли Мур с легкой озабоченностью проводил ее взглядом и, убедившись, что та не проломила себе череп, с удовлетворением расстегнул молнию на куртке и вышел. «Кадиллак» уехал, прежде чем кому-либо из лежащих пришла в голову мысль подняться с пола.

10. Отклонение

— Зачем ты опять пришла? — спросил Зак, когда к нему вернулась способность дышать и говорить. — Я-то думал, это место вызывает у тебя оторопь.

— Вызывало. И вызывает. И почему-то это меня еще больше раззадоривает.

Они с грехом пополам встали, осмотрели свои собственные раны и раны друг друга. Ссадины на лицах обещали превратиться в классические «фонари». Между делом молодые люди успели представиться: «Я — Зак Уэбстер», «А я — Мэрилин Дрисколл».

— Говоришь, не понял, что видел прошлым вечером?

— До сих пор не возьму в толк.

— Сейчас помогу разобраться. — Мэрилин достала из рюкзака потертый, облепленный наклейками лэптоп. — Я тут сделала несколько снимков. Получилось не очень, но для начала хоть кое-что.

Зака подмывало спросить: «Для начала чего?» — но он прикусил язык. Зачем ей понадобилось фотографировать? Кто она такая? Туристка? Уличный фоторепортер? Студентка градостроительного факультета? Эти вопросы он тоже пока отложил. Свежий опыт подсказывал, что иногда лучше не ведать, что происходит у тебя на глазах, пусть даже эта мудрая мысль слегка припоздала.

Мэрилин Дрисколл вдохнула жизнь в лэптоп, и на экране появились нечеткие фотографии той «роковой» — по растущему и теряющему иронический окрас убеждению Зака — ночи. На одной из них Зак увидел себя самого, стоящего на входе «Утопиума» — неуклюжего, отчаянно нефотогеничного; свои снимки ему редко нравились. Появилось другое фото: помятый «Кадиллак» — тоже не очень удачное.

Потом Мэрилин вывела на экран фотографию водителя и увеличила его лицо. Здесь обидчика можно было хотя бы опознать. Впрочем, Зак опознал бы его без всяких фотографий. Облик грубияна не отличался ничем особенным; с фото смотрел типичный бычара, гопник — нередкая фигура в любом городе.

Мэрилин открыла следующий снимок — пожалуй, самый важный, показывающий татуировку на бледной спине женщины. Он был сделан под углом, автоматическая фокусировка камеры не смогла поймать центр, кадр завалился, но по крайней мере Заку сразу стало ясно: перед ним — карта.

— Довольно топорная работа, — заметила Мэрилин.

— Ты о фотографиях?

— О татуировке. А точнее — о карте.

— Да. Хотя, в целом, чем топорнее карта, тем яснее намерения татуировщика.

Ему показалось, что фраза получилась излишне напыщенной. Она была верна по сути, однако Зак вложил в нее неподходящую к случаю серьезность. Он строил из себя ученое светило, пускающее пыль в глаза барышне, пытался казаться бывалым, умудренным опытом мужчиной.

— Могу немного ее улучшить, — предложила Мэрилин.

Она поиграла с изображением женской спины, увеличила резкость, отрегулировала яркость и контраст, освещенность и тень, интервалы тональностей. Картинка сделалась четче, но не потеряла своей загадочности. Посредине спины, с обеих сторон от позвоночника тянулись две неровные, грубо выколотые линии. Одна — красная —

напоминала обозначение шоссе. Вторая — черная, с насечками — походила на железнодорожную ветку. Еще две синие, лениво извивающиеся, горизонтальные линии поперек лопаток могли изображать берега реки или канала. По всей спине были разбросаны квадраты и прямо-угольники, которые можно принять за постройки, но с таким же успехом — за что-то иное. Пунктирные и зигзагообразные линии могли указывать — или не указывать — маршрут либо направление.

— Что тут вообще нарисовано? — спросила Мэрилин. — Думаешь, карта настоящая?

— Все карты настоящие, — изрек Зак, надеясь, что вышло не слишком занудно.

— Но что она отображает? Реальное место или чью-то фантазию? Она куда-нибудь ведет? Или это чистая декорация? Может, она вообще ни на что не годна.

— Любая карта для чего-нибудь годна. Главное — выяснить, для чего ее делали. Может статься, что найти того, для кого она предназначалась, окажется задачей потруднее.

Девушка задумчиво кивнула. Слова Зака, по-видимому, произвели на нее впечатление. Он остался доволен.

— А это что за штукавина? — спросила Мэрилин, указав на небольшой кружок на бугорке рядом с копчиком. Изображение в этой части снимка было нечетким, но Заку помогли его познания.

— Роза ветров. Такие рисуют в уголке географической или навигационной карты, чтобы указать стороны света — север, юг, восток, запад, а иногда и промежуточные румбы^[6]. В таком месте выкололи — больно, наверное...

— Откуда ты все это знаешь?

— Их называли розами, потому что часто богато украшали. Самую первую начертил португальский картограф шестнадцатого века Педру Рейнел. Розы ветров — потому что древние картографы не отделяли стороны света от направлений, откуда дул ветер.

— Разбираешься...

— Теперь ты рада, что снова сюда пришла?

— Сказать, что рада, было бы преувеличением, — заметила девушка, осторожно трогая припухший глаз.

— И разумеется, — понесло Зака, — первые розы не показывали разницу между магнитным и истинным севером. Ее называют отклонением. Я мог бы еще долго говорить.

— Охотно верю.

Новая приятельница выслушивала картографические излияния Зака вроде бы с интересом.

— У нас у обоих будет по «фонарю», — сказала она наконец. — Люди подумают, что мы тут боксом занимались.

— Ну-у... они подумают, что победила ты. Мой «фонарь» будет похлеще твоего.

— Надо бы где-то взять льда.

— Странное дело. В местах, где продается лед, всегда водится выпивка.

— Ты намекаешь на некую грязную забегаловку, куда ходят зализывать раны картографы?

— Я редко общаюсь с картографами, — признался Зак. — Но грязная забегаловка, куда я хожу зализывать раны, существует.

— Тоже сойдет.

11. Плазма

Вроблески не любил сидеть без движения, пока его просвещают, развлекают или убажают; он воспринимал пассивность как истинное мучение. Поэтому купил себе самый здоровенный телевизор, какой только смог найти, — панорамный, высокой четкости, со всеми при-, под- и надбамбасами, настенного типа — стену пришлось дополнительно укреплять. Если показывали что-либо достойное внимания, можно было смотреть из любой точки комнаты.

На экране в безобразно-стильных, однотонных, неудобных креслах сидели две женщины и один мужчина. За их спиной на электронном заднике сменяли друг друга изображения города «до» и «после». Одна из женщин вела передачу; молодая, чересчур серьезная, но дружелюбная, она явно не собиралась ставить собеседников в неловкое положение. Вторую женщину Вроблески знал, как знали ее все обитатели города. Это была мэр, Маргарет Гундерсон, или сокращенно Мег, грузная, грозного вида бабища со внешностью вышибалы, поднявшаяся наверх из транспортных профсоюзов и лишь немного умерившая свой нороз за несколько лет, проведенных в городской политике. Ее долго натаскивали, как общаться с медиа, когда и как улыбаться, учили говорить медленно, излучать неподдельный шарм, однако видок у нее по-прежнему был как у портового грузчика.

Мужчина — на взгляд Вроблески, жалкий, возомнивший о себе клоун — вероятно, был чем-то временно полезен Мег Гундерсон. Ведущая представила его как Марко Брандта, члена специальной комиссии по реконструкции городского центра при мэре и «футуролога, специализирующегося по вопросам теоретического урбанизма». Вроблески перестал слушать, прежде чем успели объяснить, что это за хрень.

Внешность Брандта была одновременно и экзотичная, и ничем не выдающаяся. Когда он ответил ведущей, в его голосе прозвучала целая масса намеков на самые разные акценты. Он приближался к старости, но все еще молодился. Вся одежда — черная, зато сшитая асимметричными клиньями из кусков разной ткани с неодинаковым блеском. Отбеленные волосы торчали вверх острыми сосульками. Даже очки сидели на длинном худом лице как миниатюрные строительные леса — убрать их, и лицо станет пресным.

Три говорящие головы в телевизоре рассуждали о будущем города. Мэр Гундерсон старалась вовсю — изображала, насколько могла, добродушие и доходчивым языком вела речь о том, что городу хватит отсиживать зад и пора приступить к реализации проектов. У нее имелся и свой любимый конек. Старый отель «Телстар», великолепный — как согласились все присутствующие — образчик архитектуры шестидесятых, который Вроблески лично помнил как прогоревший кабак с вращающимся полом, теперь предлагалось включить в Национальный регистр памятников архитектуры. Гундерсон расстаралась не на шутку и личным весом поддержала кампанию за то, чтобы превратить «Телстар» в символ очередного этапа обновления. Она не уставала повторять, насколько глубоко эти планы ее заботят, что она готова поставить на карту собственную репутацию. Как бы Вроблески ни презирал политиков, считая их врунами, он почти поверил мэру.

[Купить полную версию книги](#)

Пер. А. Кравцовой.

Японский остров (также Ио, Иото).

Оскар Уайльд. «Душа человека при социализме». *Пер. О. Кириченко.*

Облагораживание прежде непривлекательных жилых районов.

Леон Баттиста Альберти (1404–1472) — итальянский ученый эпохи Возрождения.

Здесь: деления.